

Н.С.Константинова

Я тоже говорю о розе...

Статья посвящена творчеству выдающегося мексиканского драматурга Эмилио Карбальдо (1925—2008) — автора более 100 пьес, переведенных на многие языки мира, в том числе и на русский (2010). Произведения Карбальдо ставились во разных странах Латинской Америки и Европы. Статья включает в себя как личные воспоминания, так и анализ творчества писателя, его роли и места в национальной и латиноамериканской культуре.

Ключевые слова: Карбальдо, театр, драматургия, «Роза с двойным ароматом», Мексика, культура.

Сразу же скажу, что название статьи придумано не мной. Оно «позаимствовано» у самого известного мексиканского драматурга XX — начала XXI вв. Эмилио Карбальдо, одна из пьес которого называется именно так. Мне кажется, что я имею право на такое заимствование, поскольку по каким-то неведомым причинам судьба несколько раз сводила меня не только с творчеством этого уникального драматурга, но и с ним лично. Однако — все по порядку...

ПРОЛОГ

Так случилось, что мой приход в латиноамериканистику начался с изучения латиноамериканского, а точнее, мексиканского театра, а если уж быть совсем точной — с творчества Эмилио Карбальдо. Первая из его пьес, прочитанных мной, называлась «Я тоже говорю о розе» («Yo también hablo de la rosa»). И она вызвала у меня «культурный шок». Тогда же произошла еще одна «неслучайная случайность»: из Мексики вернулся известный актер и режиссер Евгений Лазарев. Он был в Мексике дважды. В первый раз его пригласили, чтобы прочитать несколько лекций о системе Станиславского, а во второй приезд он поставил там несколько пьес, в том числе «Месяц в деревне» Тургенева, и буквально влюбился в эту страну. Поэтому он нашел меня, специалиста по латиноамериканскому театру, и попросил выбрать и перевести какую-нибудь «хорошую мексиканскую пьесу» для постановки на сцене Театра им. Маяковского. Выбирать было из чего. И все же сомневалась я недолго. Переведенной пьесой оказалась «Я тоже говорю о розе».

Наталья Сергеевна Константинова — кандидат исторических наук, член Союза театральных деятелей, директор Центра культурологических исследований ИЛА РАН (natkonst@hotmail.com).

Итак, пьеса Карбальидо была переведена. Однако, увы, не увидела свет рампы, поскольку не был учтен исключительно важный для эпохи развитого социализма фактор, а именно, как говорил в одном из фильмов персонаж в исполнении Михаила Пуговкина, «окружающий момент обстановки». Дело в том, что в числе действующих лиц пьесы были два профессора: один — психоаналитик, а другой — марксист, и оба выставлены автором в весьма неприглядном свете, что усиливалось присущим Карбальидо потрясающим чувством юмора. Худсовет, естественно, не мог пропустить подобного «безобразия». Дальше все пошло не лучше: в то время компьютеры (по крайней мере, в Советском Союзе) еще не стали предметом домашнего обихода, текст перевода пропал. Машинописные копии, как это нередко случалось в докомпьютерную эпоху, бесследно исчезли.

Могла ли я тогда предполагать, что три десятилетия спустя мне придется вновь переводить на русский язык эту замечательную пьесу, и на этот раз, ни много ни мало, по просьбе самого автора. Вот уж поистине «неисповедимы пути Господни».

В 2007 г. Карбальидо решил отметить свой 82-й день рождения в Москве. Решил и приехал. Приехал, несмотря на перенесенную тяжелейшую болезнь, которая лишила его возможности самостоятельно передвигаться. Маэстро, с присущим ему оптимизмом, не счел это обстоятельство достаточно уважительной причиной, чтобы не осуществить своего намерения. Чествование состоялось 22-го мая, непосредственно в день рождения, в театральном центре «На Страстном». Поздравить драматурга пришли российские режиссеры, актеры, театроведы, студенты театральных вузов. На мою долю выпала почетная, но далеко не простая миссия: рассказать об истории мексиканского театра и о том месте, которое занимает в нем Карбальидо, и сделать это в присутствии самого юбиляра. Свое выступление я закончила словами: «Поздравляю Вас, Маэстро, с днем рождения и дарю Вам красную розу. Именно розу, потому что Ваша пьеса, так понравившаяся мне четверть века назад, называлась «Я тоже говорю о розе». Эмилио был растроган и я тоже.

После завершения официальной части, во время непринужденной беседы Карбальидо сказал, что его мечта — увидеть свои пьесы переведенными на русский язык и поставленными на сцене в России, культурой которой он восхищался на протяжении всей своей жизни. Он спросил, не смогу ли я перевести для начала три его пьесы, которые он сам выберет. Я, не раздумывая, согласилась. Среди выбранных произведений была пьеса «Я тоже говорю о розе», принесшая автору в свое время мировую известность.

На следующий день драматург и его литературный агент и верный друг Эктор Эррера должны были отправиться в Питер. Наше расставание было теплым. Тогда я еще не знала, что это было прощание в самом трагическом смысле этого слова. Несколько месяцев спустя из Мексики пришло печальное известие о кончине классика национальной драматургии. В подобных обстоятельствах выполнение нашей устной договоренности стало для меня делом чести.

Чтобы ускорить перевод, я попросила известного переводчика Алексея Гришина «взять на себя» две другие пьесы. Это были «Медуза» («Medusa») и «Роза с двойным ароматом» («Rosa de dos aromas»). Дальше все складывалось относительно удачно. Не буду вдаваться в детали издательского

Эмилио Карбальидо, 1952 г.

детство прошло в колоритных кварталах Мехико: Ла-Лагунилья и Санто-Доминго. Интерес к литературному творчеству проявился очень рано. «Писать для меня было чем-то естественным, — вспоминал впоследствии Карбальидо. — Я был мечтательным, рано повзрослевшим и непослушным ребенком. Кроме того, в моей семье писали все: бабушка, мама, братья, тети и дяди»¹. Бабушка читала маленькому внуку наизусть отрывки из Библии и древнегреческой поэзии, пробудив в нем любовь к классике, которая впоследствии вдохновила его на создание многих произведений.

С детства Эмилио зачитывался приключенческими романами Жюль Верна и Эмилио Салгари. Они не только подстегивали его воображение, но и рождали желание писать самому. Очень скоро мальчик понял, что для него намного проще строить диалоги, чем писать «сплошные» тексты. Его первые детские сочинения были в форме диалогов, которые сопровождались собственными рисунками. Получалось нечто наподобие комиксов.

В юношеском возрасте Эмилио, возможно не без влияния родителей, решил получить «серьезную специальность» и поступил на факультет права знаменитого Национального автономного университета Мехико, где проучился всего один год. Рассказывают, что вместо того, чтобы слушать лекции по римскому праву, Карбальидо писал пьесу, а когда наступило время экзаменов — с треском провалился. «Я понял, что не надо обманывать самого себя, что меня интересует театр, а не юриспруденция, и решил перейти на факультет философии и филологии»². К тому моменту он уже серьезно «заболел театром» и был буквально пленен творчеством своего соотечественника Хавьера Вильяуррутиа.

Дебют Э.Карбальидо в качестве драматурга состоялся в 1950 г. в Мехико, во Дворце изящных искусств, на сцене которого поставили его первую пьесу «Росальба и семья Льаверос» («Rosalba y los Llaveros»). В роли постановщика спектакля выступил знаменитый писатель, режиссер и драматург Сальвадор Ново, которого Карбальидо считал одним из своих главных учителей. В том же году состоялась премьера одноактной пьесы в жанре *ауто сакраменталь (auto sacramental)* «Промежуточная зона» («La zona intermediaria»). Успех был ошеломляющим.

процесса, плавному течению которого всегда препятствуют подводные камни. Скажу только, что сейчас, когда я пишу эту статью, передо мной лежит элегантно изданная книга: *Эмилио Карбальидо. Театр*.

ВРЕМЯ И МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Эмилио Карбальидо родился 22 мая 1925 г. в штате Веракрус, в Кордове, в одном из красивейших прибрежных городов, основанном в начале XVII в., известном также как Город Тридцати Кабальеро.

В первый же год жизни мальчика перевезли в столицу. Так что его

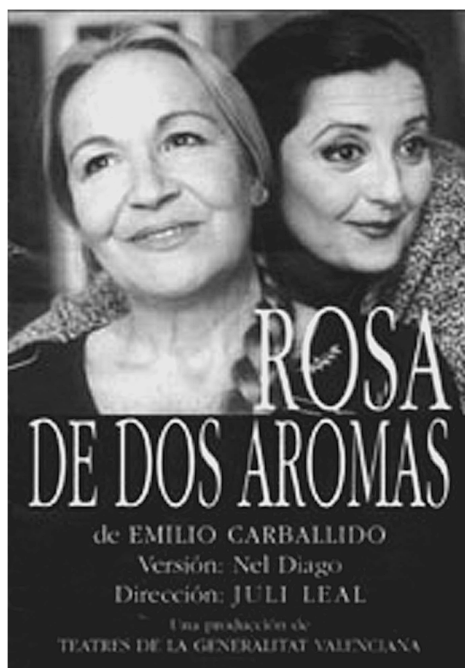
Эти два произведения выявили две главные тенденции всего последующего творчества Карбальидо: первую характерную его черту условно можно назвать театральным неореализмом, вторая — устремлена к миру фантазии, рожденному богатейшим поэтическим воображением. Порой они существовали независимо друг от друга, но чаще причудливо переплетались в одном и том же произведении, предельно истончая грань между реальностью и вымыслом.

Благодаря столь успешному дебюту, Карбальидо буквально ворвался в блистательную плеяду писателей и драматургов, вошедших в историю мексиканской культуры как «поколение пятидесятих». Серхио Маганья, Луиса Хосефина Эрнандес, Серхио Галиндо и другие талантливые представители этого поколения составили цвет мексиканской творческой интеллигенции XX века. Очень скоро именно Карбальидо стал самой яркой фигурой этого и последующих поколений мексиканского театра. Вся его дальнейшая карьера как драматурга и прозаика, преподавателя и издателя развивалась в режиме *нон-стоп*. «Уже в шестидесятые годы он стал королем мексиканской драматургии»³, — вспоминает Игнасио Эскарсега, ныне возглавляющий Отдел театра Национального института изящных искусств. До последних дней жизни Карбальидо достойно нес эту корону.

Карбальидо неоднократно говорил о своей «двойной идентичности». Исключая время путешествий, он делил свою жизнь между столицей штата Веракрус — Халапой и федеральной столицей — Мехико. В обоих городах у него был «родной дом», и там, и там он чувствовал себя в равной степени комфортно. Любопытно, что если сюжеты прозаических произведений Карбальидо обычно воспроизводили жизнь обитателей штата Веракрус, то действие его пьес чаще разворачивалось в атмосфере многомиллионного мегаполиса.

Веракрус стал для Карбальидо не только местом рождения, но и, как он сам часто говорил, местом многократного возрождения. Первое из них произошло в возрасте 13 лет, когда он приехал на свою «малую родину» и прожил там год с отцом. Яркая тропическая природа с пышной растительностью, буйство красок и пьянящий аромат морского воздуха произвели тогда на мальчика неизгладимое впечатление, которое он всегда бережно хранил в своей душе. Там, в огромном провинциальном доме, населенном по глубокому убеждению его обитателей, добрыми духами, Эмилио зачарованно слушал рассказы бабушки о прошлом и усваивал ту манеру произношения, которая стала одной из его «визитных карточек». «Не эти ли добрые духи охраняли его произведения на протяжении более полувека?»⁴ — размышляет профессор литературы Вирджинского университета Жаклин Бикслер.

В течение этого года отец, работавший железнодорожником, привил сыну любовь к поездкам на поезде, которую он также сохранил до последних дней жизни. По воли судьбы одно из последних таких путешествий состоялось в России, из Москвы в Санкт-Петербург, в дни празднования 82-го и, к сожалению, последнего дня рождения Эмилио Карбальидо.

Афиша спектакля «Роза с двойным ароматом»

ральный журнал «Tramoya», и там же в 1992 г. ему было присвоено звание доктора *Honoris Causa*. Именно в Халапе оборвалась его жизнь.

В ЛАБИРИНТЕ МЕТАФОР

Критики неоднократно отмечали феномен «обманчивой простоты» драматургии Карбальидо. За сюжетной канвой его пьес скрывается множество смысловых пластов. В стремлении вовлечь зрителя в театральное действо Карбальидо словно приглашает поиграть с ним в интересную игру, завлекая в лабиринт метафор. Одни и те же символы в разных контекстах наполнены разным смыслом, своего рода загадками, разгадка которых становится увлекательным занятием, позволяющим зрителю или читателю включить свое воображение. Роза, поезд, море, волны, чайки — эти и другие образы путешествуют из пьесы в пьесу, каждый раз символизируя разное.

Наиболее показательный пример — метафора «розы». Это слово фигурирует в названии сразу нескольких пьес, в том числе в комедии «Роза с двойным ароматом», признанной первой мексиканской феминистской пьесой, написанной, как ни странно, мужчиной. Эта блистательная пьеса была создана Карбальидо во время одного из перелетов из Южной Америки в Мексику. То есть очень быстро. Однако ее первая постановка стояла в репертуаре на протяжении шести лет, а вторая — четырех. Пьеса была поставлена еще как минимум в семи странах. Теперь ее текст существует и в русском переводе. Кто знает, может именно с нее начнет осуществляться мечта Карбальидо быть поставленным в России?

Второе «возрождение» произошло в 1954 г., когда драматург приехал из Мехико в родные места, опьяненный успехом от постановки своих первых пьес. Тогда, после всех треволнений и эйфории, именно в Халапе он обрел тот умиротворяющий покой, который был столь необходим ему для осмысления дальнейшей жизни.

Каждый раз, возвращаясь в Веракрус, Карбальидо испытывал нечто подобное тому, что происходило с ним в первый приезд. У него складывалось ощущение рождения заново, происходил исключительный прилив творческих сил, появлялись новые замыслы и планы.

Особая, более чем полувековая связь объединяла Карбальидо с Университетом штата Веракрус. Именно там он нашел идеальное пространство для творчества, преподавательской деятельности, основал театр

«Творчество Карбальидо словно сокровища Али-Бабы. Войти в его мир это все равно что получить волшебный ключ, который открывает различные двери. Его произведения волнуют нас, вызывают слезы, развлекают, наполняют общим ощущением счастья... Роза в его произведениях имеет столько лепестков смысла, сколько каждый зритель способен раскрыть, так, чтобы при этом не нарушить ее красоты и целостности»⁵. Неслучайно на церемонии прощания с Эмилио Карбальидо председатель Союза писателей Мексики В.У.Раскон Банда сказал, что из его пьес можно составить поистине великолепный букет роз»⁶.

Сцена из спектакля «Ориноко»

Море и поезд также являются постоянными «персонажами» пьес Карбальидо. При этом, «если поезд символизирует увлекательные путешествия по миру, то море — это метафора глубокой тайны его театра, в котором, как в морской пучине, под личиной обманчивого спокойствия скрывается множество тайн»⁷, справедливо считает Жаклин Бикслер.

Море и поезд также являются постоянными «персонажами» пьес Карбальидо. При этом, «если поезд символизирует увлекательные путешествия по миру, то море — это метафора глубокой тайны его театра, в котором, как в морской пучине, под личиной обманчивого спокойствия скрывается множество тайн»⁷, справедливо считает Жаклин Бикслер.

Поезд становится действующим лицом в пьесе «Разговор среди руин» («Conversación entre las ruinas»). Как говорит один из персонажей этой пьесы, поезд — это «движение, жизнь, традиция»⁸. В другом произведении «Бесконечный вальс вокруг планеты» («Un vals sin fin por el planeta») отец главного персонажа — 14-летнего подростка по имени Карлос, объясняет ему, что единственное, что мы знаем о жизни, это то, что это «движение, своеобразный бесконечный поезд, в котором мы все едем, эти вагоны, которые порой меняют путь»⁹. Этот образ, одно из самых сильных впечатлений детства, звучит рефреном во многих его произведениях. При этом для Карбальидо важно не просто занять место в поезде. Главное состоит в том, чтобы наслаждаться самим путешествием, которое таит в себе немало приключений, составляющих жизнь, со всеми ее неудачами и победами, падениями и взлетами.

Немаловажную роль поезд играет и в пьесе «Я тоже говорю о розе», в которой двое подростков «невинно» спускают несколько вагонов с рельсов. Эта метафора, по мнению профессора-марксиста, персонажа, пытающегося выявить смысл происходящего, символизирует тот порочный путь, по которому власть имущие приводят людей к бедности и несправедливости. Однако для драматурга все не так просто.

Анонс к постановке «Ориноко»

запутанные сны, крушение поезда или фотографию, увековечившую кого-то на пляже, и сделать так, чтобы мы могли увидеть все, до самого дна.

Карбальидо неоднократно признавался, что некоторые из сюжетов его произведений приходили к нему во сне. Его героям, как и автору, порой следовало проснуться, чтобы искать и находить ответы на вопросы, которые ставит перед нами реальность.

НА ОЛИМПЕ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

По всеобщему признанию критики, Карбальидо самый плодовитый и одновременно самый универсальный из мексиканских драматургов. Он обладал уникальным талантом гармонично сочетать количество и качество. У него нет случайных, «проходных» пьес, благодаря чему он не только стал одним из символов национальной культуры, но и очень скоро оказался на Олимпе латиноамериканской драматургии. Его пьесы лидировали по количеству постановок во всем испаноязычном мире. Его творческий энтузиазм в последние годы жизни был столь же неиссякаем, как и в юности.

Сам Карбальидо с юмором комментировал свою творческую плодовитость, «обвиняя» в ней своего соседа — известного мексиканского драматурга Висенте Леньеро. Их окна находились напротив, и Карбальидо мог наблюдать за работой друга и коллеги. «Висенте работает, не переставая, — любил шутить дон Эмилио. — Поэтому мне приходится столько писать. Я выхожу из кабинета только тогда, когда у него гаснет свет»¹¹.

Поезд — средство передвижения, но направление движения — море. Море в пьесах драматурга, как и наяву, включает в себе множество тайн. «Театр Карбальидо — это море, шепчущее о величии, скрываемом его глубинами. Те, кто изведаль моря, знают, что течение ощущается не на поверхности, а под водой»¹⁰. В пьесе под названием «Море и его тайны» («El mar y sus misterios») море выступает как главное действующее лицо. Оно то безмятежно, спокойно, то бурно и бездонно.

Чайки — атрибут моря, еще одна излюбленная метафора Карбальидо. Они обычно символизируют публику, которая столь много значила для драматурга. Эта удивительная черта Карбальидо одновременно быть поверхностным и глубоким, метафоричным и обнаженным, проникнуть с поверхности на глубину и только так понять что-то в жизни через чьи-то

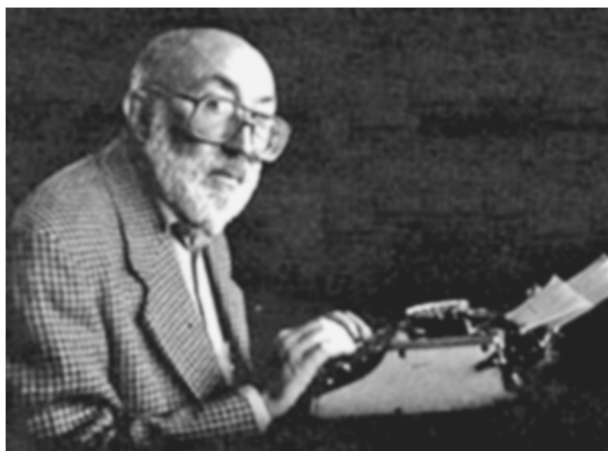
По словам драматурга и режиссера Сабины Берман, у Карбальидо было два секрета. Первый — в том, что в один день он умел помещать два. В дневные часы «бродил по свету» и пропагандировал театр, свой и чужой, проводил семинары; ставил спектакли, руководил созданным им журналом «Трамояу»; составлял лучшие антологии мексиканской драматургии, ездил на конгрессы; присутствовал в самых разных местах на генеральных репетициях своих пьес»¹².

«Широчайшая палитра персонажей, блестящие диалоги, смесь юмора и горечи — таков прочный фундамент всей его драматургии»¹³, — писал в 90-е годы прошлого века крупный венесуэльский писатель и драматург Роман Чальбауд. И, действительно, калейдоскоп созданных Карбальидо образов позволил ему выявить человеческую природу во всех ее ипостасях. Отсюда исключительное жанровое разнообразие — от подлинного реализма («Фелисидад» («Felicidad»), «Часовщик из Кордобы» («El relojero de Córdoba»), «Роза с двойным ароматом», «Ориноко» («Orinoco») и др.) до экзистенциализма и других направлений и течений, которые органично вошли в его творчество. Его пьесы в равной степени привлекали зрителей своим юмором и своей серьезностью, умением рассказать о жизни как самых обычных, «простых» людей, так и невероятно сложных мифологизированных персонажей. Важно также отметить, что константой его творчества стало вовлечение зрителя в театральное действие. Зритель никогда не оставался пассивным, и тем более равнодушным созерцателем, он всегда активно переживал происходящее на сцене.

Театральная критика, как ей и положено, конечно же стремилась идентифицировать стили и жанры в драматургии Карбальидо. Нередко разгорались нешуточные споры. «По ошибке один незадачливый критик назвал творчество Карбальидо костюмбристским. Какая ложь! Отнюдь не грех быть костюмбристом, однако непозволительно охарактеризовать такое обширное и разнообразное творчество так односторонне»¹⁴, — это всего лишь один из примеров полемики, позволяющий судить о накале страстей. Сам Карбальидо относился к этому с присущим ему юмором. «Забудь о жанрах и стилях. Пиши свободно, как тебе хочется. Критики и режиссеры незамедлительно появятся, чтобы «назначить» жанр для постановки на сцене. Автор не должен изначально задаваться целью написать фарс или мелодраму. Иначе ему придется манипулировать произведением, чтобы «вмонтировать» его в рамки того или иного жанра»¹⁵. Такой совет Карбальидо дал в свое время одному молодому драматургу.

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ И НЕ ТОЛЬКО В СВОЕМ

Жизнь и творчество Эмилио Карбальидо опровергают известную максиму. Он был пророком в своем отечестве. Причем любовь своего отечества, что особенно ценно, завоевал еще при жизни. Авторитет Карбальидо, несмотря на его природную скромность, был непререкаемым. Это касалось и литературного творчества, и режиссерской работы, и педагогической деятельности, и его гражданской позиции. Некоторые высказывания Карбальидо стали хрестоматийными. Драматургов он называл «поэтами сцены», утверждая при этом, что «литературе научить нельзя. Можно научить

грамматике, литературному ремеслу. Но искусству научить нельзя: либо оно есть, либо его нет»¹⁶.

Несмотря на то, что многие из пьес Карбальдо несли в себе социально-политический заряд, он утверждал, что нельзя писать, руководствуясь намерением что-то разоблачать. «Если мы обеспокоены этическими проблемами, наше творчество автоматиче-

чески отразит то, кем мы являемся и во что верим. Чтобы изменить социальную систему, митинг лучше, чем театральное произведение»¹⁷.

Карбальдо стремился передать свою любовь к театру как можно большему числу людей. Он был подлинным пропагандистом театра. Благодаря Эмилио Карбальдо множество его соотечественников стали страстными поклонниками этого вида искусства. Карбальдо сочинял рассказы, повести, эссе, сценарии. Но конечно же, прежде всего, пьесы, которые один из критиков назвал «его тяжелой артиллерией», были для него главным делом.

Еще до наступления рассвета Карбальдо поднимался на третий этаж своего дома и писал. Писал в больших бухгалтерских тетрадах с твердыми переплетами. Писал синими чернилами при свете электрической лампы, широким, быстрым почерком, как будто бы рисовал текст. Когда утренний свет наполнял кабинет, и он мог видеть в окно соседний дом, Ленъеро, печатавшего на своей машинке, то закрывал большую тетрадь. Выполнив свою миссию «заключить жизнь в слова», он выходил на улицу, чтобы эту жизнь проживать.

Карбальдо много размышлял о жизни и творчестве. Его никак нельзя назвать человеком легкомысленным. Но вместе с тем он был неисправимым оптимистом. Если, например, что-то намеченное срывалось или задерживалось, он видел в этом возможность лишний раз пойти в библиотеку или, в конце концов, купить очередной шарф. Эмилио Карбальдо, как правило, не сомневался в позитивном исходе задуманного, верил, что все, что ни делается, — к лучшему, руководствуясь народной мудростью «Бог суров, но милостив».

Только «неисправимый оптимист» мог сказать: «Я думаю, что тот, кто строит планы, сумасшедший. Они никогда не приносят ожидаемых результатов. Всегда происходят вещи, намного более приятные, чем те, которые планировались»¹⁸.

Карбальдо получал удовольствие от бесконечного количества вещей, но, прежде всего, от процесса творчества и человеческого общения. Он был завсегдатаем театров и музеев, страстным поклонником балета, пламенным пропагандистом сценического искусства, гениальным педагогом, знатоком и ценителем вин. Всем известна еще одна, «но пламенная страсть» донна Эмилио — его невероятная любовь к кошкам. Многие из его

многочисленных питомцев носили «в знак уважения» имена персонажей его пьес или, в крайнем случае, всемирно известных личностей. Не скрою, что меня поначалу удивило и позабавило, что знаменитому драматургу следует писать по электронному адресу *felinosplus*¹⁹.

Даже тяжело заболев, дон Эмилио не опустил руки. После перенесенного кровоизлияния в мозг, лишившего его возможности самостоятельно передвигаться, он продолжал работать, диктуя тексты новых рассказов и пьес, и по-прежнему был полон творческих планов. В интервью газете «La Jornada» он сказал: «Теперь я вижу сны наяву» (*Ahora los sueños los tengo despierto*)²⁰. В 2005 г. он написал, а точнее, продиктовал пьесу «Большой букет роз» («Un gran ramo de rosas»), поставленную на сцене уже после его ухода из жизни.

Писатель был поклонником и знатоком искусства танца. Одним из самых любимых его коллективов был Ансамбль Моисеева, мастерством артистов которого он не устал восхищаться. Искренняя, глубокая дружба связывала его с балетмейстером Гильерминой Браво — руководителем Национального балета Мексики.

Карбальдо был человеком счастливой творческой судьбы. Об этом свидетельствует множество наград, которые он получал на протяжении всей своей жизни: 1954 г. — Премия Национального автономного университета Мексики за пьесу «Золотая нить»; 1957 г. — Премия критики имени Руиса де Аларкона за пьесу «Фелисидад»; 1958 г. — Национальная театральная премия за пьесу «День, когда львов выпустили на свободу» («El día que se soltaron los leones»); 1962 г. — премия «Каса де Лас Америкас» за пьесу «Маленький день ярости» («Un pequeño día de ira»); 1966 г. — премия имени Руиса де Аларкона за пьесу «Я тоже говорю о розе».

Далее перечислим лишь самое значимое: «Ариэль» (мексиканский «Оскар») за сценарий к фильму «Босой орел» («El águila descalfa»); «Золотой Ариэль» за всю кинематографическую карьеру; Национальная литературная премия в номинации проза; Национальная премия в области драматургии имени Хуана Руиса де Аларкон.

Не менее впечатляюще выглядит и география спектаклей, поставленных по пьесам Карбальдо: Испания и Германия, Франция и Швейцария, Бельгия и Израиль, Колумбия и Венесуэла. Куба и США...

Пожалуй, за пределами Мексики и Латинской Америки особую любовь театр Карбальдо снискал у французской аудитории. Его произведения ставились во Франции начиная с 1970-х годов. В 1973 г. на сцене театра «L'Est Parisien» состоялась премьера спектакля по пьесе «Я тоже говорю о розе», вызвавшая острые дискуссии между теми, кто не понял пьесу, и теми, кто воспринял ее с энтузиазмом²¹, — вспоминает профессор Руанского университета Нормандии М.Кёкель. «Самое позитивное и аргументированное мнение высказал критик газеты «Le Monde» Мишель Курно, отметив, что «Карбальдо как никто другой умеет уловить зыбкую грань между реальностью и фантазией, грань на которой он так мастерски балансировал»²². «Пьеса пришлась ко времени как нельзя лучше. Карбальдо показывал, что «разговор о розе» — это именно то, чего не доставало судьям, психологам, журналистам, которые искали во всем только логическое, рациональное объяснение. Карбальдо преподнес парижанам бутон розы, и каждому предстояло раскрыть его по-своему, чтобы найти свою розу»²³.

На 70-летию Карбальидо были сказаны такие слова: «То, что всегда привлекало внимание и волновало французов в Эмилио Карбальидо, как в человеке и писателе, это его способность любить всё и во всё вкладывать душу. К чему бы он ни прикасался, магическим образом превращается в мечту, иллюзию, в иную реальность. Карбальидо — своего рода чародей, маг, благодаря которому европейцы открывают сны и действительность Латинской Америки, а также и свою собственную реальность, свои потаенные грезы и желания. Путешествие по творчеству Карбальидо — это не только путешествие в мексиканскую и латиноамериканскую действительность, это одновременно путешествие внутри человеческой души»²⁴.

«TRAMOYA»

Карбальидо умел сочетать практику с теорией. Он был убежден, что недостаточно написать драматургическое произведение, опубликовать его и поставить на сцене. Необходимо, чтобы на него откликнулась критика. Необходимы мотивированная критика, обратная связь, чтобы совершенствовать свое творчество.

Основанный в 1975 г. Карбальидо театральный журнал «Трамоа» (в переводе означает «реквизит» или механизм для передвижений декораций), возможно, был одним из самых успешных его проектов. Желание иметь собственный журнал отнюдь не было продиктовано соображениями «пиара». Журнал выгодно выделялся среди многих специализированных театральных изданий. В нем Карбальидо заложил великолепную традицию — печатать тексты пьес, причем, не только мексиканских, не только латиноамериканских, но и созданных в других частях земного шара. Предпочтение отдавалось молодым, начинающим авторам, публиковавшимся впервые. Для многих публикация в «Трамоа» открыла дорогу в полнокровную творческую жизнь.

В 2005 г. он помог переводчице и театроведу Сельме Ансирре выбрать пьесы для седьмого номера журнала, который назывался «От России к СССР. Антология театра». Номер содержит произведения русских классиков — Пушкина, Островского, Булгакова, Володина, Петрушевской, Арбузова и других. Номер получился объемным — 400 страниц переводного текста. Это было крупное событие в культурной жизни Мексики, еще в начале прошлого века открывшей для себя Чехова.

За годы существования журнала, пользующегося успехом и поныне благодаря Эктору Эррере, которому несколько лет назад Карбальидо передал бразды правления, было опубликовано более шестисот пьес. В основном это ранее не публиковавшиеся произведения.

Мексиканские критики сравнивают Карбальидо с основоположником национальной драматургии Руисом де Аларконом. По мнению писательницы и профессора Университета штата Веракрус Э.Эрнандес Паласиос, «Карбальидо был самым крупным мексиканским драматургом со времен Руиса де Аларкона»²⁵.

Карбальидо удостоился чести быть современным автором, чьи пьесы ставились наибольшее число раз в странах испаноязычного мира. Но он был не только драматургом. Его педагогическую деятельность трудно переоценить. Он был просветителем, борцом против мракобесия в сфере те-

атра, против безразличия властей к театру и культуре. «Маэстро Карбальидо открыл новые пути... Он поставил нас перед зеркалом, заставил увидеть себя такими, какие мы есть. Полемичный; воинственный; великодушный; изящный; воин, участвовавший во многих сражениях. Со своей лукавой улыбкой, с неповторимым голосом, он говорил и улыбался, будто бы говорил несерьезно. Но он был, есть и будет изысканным символом мексиканской культуры»²⁶.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

В первую годовщину смерти выдающегося драматурга в его родном городе прошел «Первый фестиваль театра Эмилио Карбальидо». Были показаны самые известные его произведения, включая последнюю пьесу — «Большой букет роз». Помимо этого состоялась презентация 95-го, специального номера журнала «Трамоуа», целиком посвященного памяти Карбальидо. Главный редактор журнала Эктор Эррера пояснил, что за 32 года существования издания Карбальидо ни разу не захотел, чтобы его произведения появились на его страницах. Не хотел, чтобы писали о его творчестве. Теперь уже ничто не мешает это сделать и не противоречит желанию маэстро. Мы убеждены, сказал Эррера, что необходимо и справедливо целиком посвятить этот номер ему одному²⁷. Памятные мероприятия состоялись и в Мехико: ярмарка театральной книги, презентация журнала «Трамоуа». Было объявлено о планах установить бюст Карбальидо в парке, в квартале, где находился его дом.

Готовится полное собрание сочинений. Оно будет состоять не менее чем из 20 томов. «Мы не знаем, куда нас привезет этот поезд по имени Карбальидо, — написала в этой связи Жаклин Биклер. — Единственное, в чем мы уверены, это то, что через его произведения мы познаем другие великолепные миры. Нет сомнения, что сейчас он сам планирует путешествие с места своего упокоения на холме Макильтепек»²⁸.

Эмилио Карбальидо похоронен в Халапе, в Мавзолее знаменитых людей Веракруса. В его родном штате появился «Театр Эмилио Карбальидо». В квартале Сан-Педро-де-лос-Пинос, где он жил, его имя присвоено парку, который теперь украшает стальная скульптура в виде розы. В 2010 г. учреждена «Театральная премия имени Эмилио Карбальидо».

Остались память о нем и его удивительное творчество. Это и есть жизнь после смерти.

Х.Вильоро, откликнувшийся как и многие известные люди на смерть драматурга, очень точно подметил: «Как один из самых любимых его персонажей — Чеширский кот — Карбальидо нашел уникальный способ уйти со сцены. Мы не видим его... в воздухе плывет его улыбка»²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ El Sol de México, 22.VIII.2009.

² Ibidem.

³ Escarcega. Poética de lo sutil. México, 2008, p. 9.

⁴ J.E.B i x l e r. Convención y transgresión: el teatro de Emilio Carballido. Xalapa, 2001.

⁵ El ángel de Reforma México, 17.II.2008.

⁶ Ibidem.

- ⁷ E.B i x l e r. Op. cit., p. 4
- ⁸ E.C a r b a l l i d o. Conversación entre las ruinas. México, 1969, p. 58.
- ⁹ E.C a r b a l l i d o. Un vals sin fin por el planeta. México, 1967, p. 96.
- ¹⁰ J.E.B i x l e r. Op. cit., p. 112.
- ¹¹ S.B e r m a n. Descifrando al Maestro Carballido. Veracruz, 2008, p. 28.
- ¹² Ibid., p. 31.
- ¹³ Teatro de Emilio Carballido.T.2. México, 1992, p. 287.
- ¹⁴ E.N u ñ e z. Emilio Carballido: una visión del teatro, una revisión de la realidad. México, 2006, p. 4.
- ¹⁵ *El ángel* de Reforma México, 17.II.2008.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ Emilio Carballido, dramaturgo mexicano. — www.elpais.com
- ¹⁸ T.B.R o d r í g u e z. Entrevista con Emilio Carballido. México, 1995, p. 7.
- ¹⁹ *Felinos(ucn)*. — семейство кошачьих.
- ²⁰ La Jornada, 10.III.2005.
- ²¹ M.Q u q u e l. Homenaje al Maestro Emilio Carballido. Xalapa, 1995, p. 3.
- ²² Ibid., p. 61.
- ²³ Ibid., p. 62.
- ²⁴ Ibidem.
- ²⁵ Teatro del Estado. Xalapa, 12.II.2008.
- ²⁶ *El ángel* de Reforma México, 17.II.2008.
- ²⁷ Emilio Carballido, figura en festival de teatro. — Informador.com.mex
- ²⁸ J.E.B i x l e r. Op. cit., p.117.
- ²⁹ Reforma. México, 15.II.2008.